

11 АПР 1953

Великий русский драматург

Прошло сто лет с тех пор, как впервые на театральных афишах появилась фамилия А. Н. Островского — великого русского драматурга. Сто тридцать лет со дня его рождения исполняется 12 апреля этого года.

Никогда до Великой Октябрьской социалистической революции пьесы А. Н. Островского не пользовались таким успехом и не ставились так часто, как сейчас; в стране строящегося коммунизма умеют, как нигде, ценить и бережно хранить классическое наследие прошлого. Творчество великого народного драматурга Александра Николаевича Островского на советской сцене получило наиболее правильное и глубокое раскрытие.

При жизни писателя представители царской власти чинили всевозможные препятствия постановке его пьес. Правительственные чиновники прекрасно понимали «нравственно-обличительное направление» драматургии Островского, что он сам считал отличительной особенностью русской литературы. Поэтому, начиная с первой значительной его комедии «Свои люди — сочтемся», вызвавшей гневную резолюцию Николая Палкина («напрасно печатано, играть же запретить»), чуть ли не каждая пьеса Островского претерпевала разнообразные мытарства. То они допускались на сцену с цензурными искажениями, то их разрешали ставить спустя несколько лет после написания, когда злободневность их несколько ослабевала — так было, например, с «Долхимым местом», поставленным Малым театром через пять лет после опубликования комедии, или, например, «Воспитанницей», попавшей на сцену через четыре года после ее создания.

Дирекция императорских театров всячески старалась помешать успеху пьес великого драматурга: отказывала в необходимых средствах на декорации и костюмы или же «обставляла» их постановку так, что вызывала общее неудовольствие. Так было, например, при постановке

К 130-летию со дня рождения
А. Н. Островского



«Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского»: костюмы поражали своей ветхостью, а декорации были сильно потрепаны.

Правительственные чиновники и в более поздние времена сознавали, что пьесы А. Н. Островского разоблачают самодержавие, обличают социальные язвы и общественные пороки. Они всячески стремились дискредитировать творчество А. Н. Островского. Однако его пьесы, несмотря на все усилия представителей господствующих классов, не могли не способствовать развитию общественного самосознания и критическому отношению к окружа-

ющей действительности. В этом — историческое значение прогрессивного творчества Островского, о котором великий критик-демократ Добролюбов писал: «Рисунам в яркой картине ложные отношения, со всеми их последствиями, он чрез то самое служит отголоском стремлений, требующих лучшего устройства».

Советский театр, в противовес многим театрам дореволюционных лет, сумел убедительно выявить антидворянскую и антикрепостническую направленность драматургии Островского и подчеркнуть тот горячий протест против власти капитала, против власти денег, который был столь спасен для современных писателей представителем господствующего класса.

На советской сцене А. Н. Островский предстал не как бытописатель, фиксирующий те или иные явления жизни, а как гневный обличитель «темного царства». И в лучших спектаклях наших театров образы отрицательных персонажей Островского — всех этих самодуров, угнетателей, лицемеров и ханжей, молодых девушек из разорившихся дворянских семей, готовых продать себя, и дворянских сынков, живущих на счет обкрадываемых ими женщин, — предстают не как исключительные явления, а, по определению Добролюбова, как «неизбежные результаты тех обстоятельств, посреди которых начинается и проходит жизнь людей, обвиняемых нами».

Раскрывая эти отрицательные образы, советские актеры умеют вместе с тем показывать и глубокую веру великого драматурга в русский народ, в конечное торжество правды и справедливости. Поэтому на нашей сцене так ярки образы тех, кто безбоязненно поднимал голос протеста против власти капитала и порожденного им беспорядка, насилия и угнетения человеческой личности.

Опустившийся купеческий сын Любим Торцов («Бедность не порок»), горемыка-актер Несчастливцев («Лес»), правдолюбивый приказчик Платон («Правда — хорошо, а счастье лучше»), старик-учитель

Иванов («В чужом пиру похмелье») и только что начинающий учительствовать Мелузов («Таланты и поклонники») — все они на советской сцене стали выразителями веры Островского в нарождающийся в массах протест против буржуазной действительности.

А сколько пленительных женских образов прибавил советский театр к общепризнанным положительным героиням театра Островского — таким, как Катерина («Гроза»), Лариса («Бесприданница»), Негина («Таланты и поклонники»). Здесь и готовые на самопожертвование молодые девушки — Анна Павловна («Шутники»), и горячие сердца — Надя («Воспитанница»), Параша («Горячее сердце»), сердечные и беспомощные матери — Пелагея Егоровна («Бедность не порок»), заботливые хлопотуньи-нянюшки — Филицата («Правда — хорошо, а счастье лучше») или незаметные в жизни, но подлинные героини, как, например, жена скряги Крутицкого («Не было ни гроша, да вдруг алтын»).

И каждый из положительных женских образов Островского, глубоко и верно раскрытых во всей их душевной красоте, нравственной силе, сердечной мудрости, служит неоспоримым доказательством того, что драматург, которого мы по праву признаем страстным обличителем пороков купечества, дворянства, чиновничества, мещанства, умел находить в окружающей жизни благородные, смелые, светлые характеры положительных героев, и прежде всего замечательных русских женщин.

Исторической заслугой А. Н. Островского является и то, что благодаря ему на русской сцене утвердился реалистический репертуар, вытеснивший западноевропейские мелодрамы и салонные комедии. Островский, продолжая обличительное направление, начатое комедиями Фонвизина, продолженное Грибоедовым и Гоголем, содействовал утверждению высокоидейного репертуара, способствовавшего развитию русского театрального искусства. «Верность действительности, жизненная правда» — вот что отличало, по мнению Добролюбова, произведения Островского, названные им «пьесами жизни».

Развитию русского реалистического театра способствовало еще одно ценное каче-

ство драматургии Островского — этого «чародея языка», как сказал о нем Горький: богатство, красочность, яркость, выразительность народной речи. Каждое действующее лицо в его пьесах пользуется своим словарем, по-особому строит фразы, у каждого свой «склад» языка, свой «тон», своя «мелодия».

Безгранично любя свой родной язык, А. Н. Островский черпал его богатства из неиссякаемого источника народной речи. Он писал: «Нет почти ни одного явления в народной жизни, которое не было бы схвачено народным сознанием и очерчено бойким, живым словом: сословия, местности, народные типы — все это ярко обозначено в языке и запечатлено навеки». Язык, которым говорят герои Островского, по разнообразию и богатству, яркости и выразительности и вместе с тем естественности и жизненности — исключительно ценный материал для актерского творчества.

Добролюбов подчеркивал, что произведения Островского «служат выражению народной жизни, народных стремлений». Лев Толстой, предлагая Островскому участвовать в издании книг для народа, писал ему:

«Цель наша издавать то, что доступно, понятно, нужно всем, а не маленькому кружку людей... Из всех русских писателей ни один не подходит ближе тебя к этим требованиям...»

Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом, и потому, — добавляет Л. Толстой, — мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть — несомненно общенародным в самом широком смысле писателем».

Островский и стал таким писателем в нашу советскую эпоху.

Великий русский драматург, неоднократно подчеркивавший, что «драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы», Островский в советском театре, театре самом передовом, самом демократическом в мире, естественно должен был стать и стал одним из любимейших драматургов-классиков.

Сорок семь его оригинальных пьес знакомят зрителя с современной драматургу

действительностью, дореформенной и послереформенной царской Россией, с леписными временами и миром русской народной сказки. Жизнь Москвы, губернских и уездных городов, дворянских усадеб, постоянных дворов ярко изображена в его произведениях. Бушпы и лавочники, пари и самозванцы, фабриканты и судовладельцы, мещане и чиновники — от самых мелких до «очень важных особ», дворяне-помещики, дворяне-дельцы и дворяне-прожигатели жизни, странники и генералы, учителя и актеры, трактирщики и поповые, воеводы и городничие, приказчики, приживалки, бедные воспитанники, ключницы, кучера, — всего 547 действующих лиц — целый мир живо и правдиво и типически фигур воссоздан в своих пьесах гениальный драматург. Изображает он не случайные явления, а типичные характеры в типичных обстоятельствах, что, по определению Энгельса, является отличительной чертой реалистического искусства. Это и сообщает произведениям Островского огромную ценность.

Островский писал, что «история оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения со временем делаются понятными и ценными и для других народов, а наконец и для всего света».

Естественно, что такой народный драматург, как Островский, умевший писать для всего народа, стал в стране Советов одним из любимейших у самых широких слоев зрителей. Его произведения переведены почти на все языки народов Советского Союза, его пьесы идут в СССР больше чем на тридцати языках. Играют их и во многих демократических странах.

Творчество великого русского драматурга А. Н. Островского сохраняет свою неувядаемую свежесть именно потому, что он принадлежал к числу тех, кто умеет писать для народа, чьи пьесы стали понятными и ценными для всех народов земли.

Проф. В. ФИЛИППОВ.